

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ АБХАЗЦЕВЪ.

Положеніе женщины въ Абхазіи.

Роскошный уголокъ восточнаго берега Чернаго моря, занимаемый Абхазцами, не могъ укрыться на памяти исторіи ни отъ взоровъ грозныхъ завоевателей, ни отъ мирныхъ промышленниковъ: имъ поочередно владѣли Финивіянне, Греки, Римляне, Генуэзцы, Турки и Грузины, и каждая изъ этихъ націй оставляла на немъ болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ своего пребыванія. Долше всѣхъ оставались въ Абхазіи Греки и Турки; первые обратили Абхазцевъ въ православіе, а вторые распространили между ними магометанство. Но ни одному изъ перечисленныхъ народовъ, въ особенности же Туркамъ, не смотря почти на 400-лѣтнія ихъ сношенія съ Абхазцами, не удалось поколебать силу и обаяніе Абхазской женщины, привыкшей пользоваться самостоятельностью не только у себя дома, но даже въ гаремахъ турецкаго султана и именитыхъ турецкихъ сановниковъ.

Можно думать, что семейная жизнь Абхазцевъ, разъ сложившись, не смотря на постоянное вліяніе то тѣхъ, то другихъ пришлыхъ національностей, оставалась до сихъ поръ въ значительной степени такой же, какою она была въ первыя времена исторіи этого племени. Издавна защита семейныхъ интересовъ у Абхазцевъ лежала на женщинѣ, которая во всѣхъ своихъ дѣлахъ въ этомъ случаѣ шла рука объ руку съ женщинами, принадлежащими къ сосѣднимъ племенамъ.

намъ: Черкесамъ, Урбахамъ и Джигетцамъ. Покушение на уничтоженіе разныхъ правъ женщинъ, освященныхъ вѣками, вызывало здѣсь рядъ волненій, которые всегда обанчивались побѣдой женскаго вліянія. Но положеніе женщины въ Абхазіи, большая или меньшая ея самостоятельность зависятъ всегда отъ того сословія, къ которому принадлежитъ женщина. Такъ, болѣею самостоятельностью пользуется здѣсь женщина изъ привилегированнаго сословія: она исполняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ религиозные обряды, руководитъ общественными дѣлами, даже предводительствуетъ иногда во время ночныхъ походовъ съ цѣлю грабежа, однимъ словомъ, стоитъ совершенно наравнѣ съ мужчиной. Между тѣмъ дѣятельность и вліяніе женщины простаго сословія крайне ограничены: на ней лежатъ домашнія и полевая работы, и лишь званіе „кормилицы“ доставляетъ ей извѣстное уваженіе среди своего племени.

Прослѣдимъ жизнь женщины того и другаго сословія съ момента ея рожденія до самой смерти и при этомъ познакомимся съ разными сторонами абхазскаго быта.

На довольно возвышенной мѣстности, покрытой роскошной растительностью и пересѣкаемой шумящими горными ручьями, стоитъ абхазскій аулъ. Жители аула не свучены вмѣстѣ, а живутъ разбросанно; но незатѣливыя ихъ жилища устроены такъ искусно, что каждый домовладѣлецъ во всякое время можетъ защищать себя отъ нападенія враговъ, а въ случаѣ надобности оставить свое недолговѣчное гнѣздо и перенести его на болѣе безопасное мѣсто. Князь этого аула имѣетъ жену, которая годъ тому назадъ вышла за него замужъ и теперь чувствуетъ въ себѣ зарожденіе новой жизни. Но она тщательно скрываетъ это и долго не рѣшается поговорить кому-нибудь, даже мужу; величайшій свой секретъ. Посмотрите, какое у нея сіяющее лицо; она спокойна и мыслитъ, что любимый ею мужъ когда-нибудь ее броситъ,

Нисколько денеръ не проволитъ се. Но оумъкъ вралъ воевъ онъ жена ни была мила, красива, но если только она не имѣеть дѣтей, мужъ воленъ бросить ее и жениться на другой. Тогда уже вторая жена захватываетъ бразды правленія въ домѣ. Если же случится, что первая жена пожелаетъ остаться въ домѣ своего мужа, то ей не отказываютъ въ приютѣ, но только она лишается всѣхъ прежнихъ своихъ правъ и преимуществъ и не смѣеть заявлять какого-либо протеста. Если же по ея винѣ въ домѣ возникнутъ какія-нибудь недоразумѣнія, то ей предлагаютъ оставить домъ. Но уходъ ея совершается безъ всякой огласки и безъ нанесенія ей какого-либо оскорбленія.

Наша княгиня принимаетъ всѣ мѣры, чтобы не было выкидыша: пользуется чистымъ воздухомъ, работаетъ умѣренно, исполняетъ всѣ указанія опытныхъ женщинъ. Но въ то же время она желаетъ нравиться мужу, знакомымъ, стягиваетъ свой внутренній поясъ, чтобы талья не переставала быть тонкой и граціозной; не обнаруживаетъ влости и усталости ни въ движеніяхъ, ни въ исполненіи возложенныхъ на нее работъ, бѣлится и румянится.

Мужъ съ своей стороны ни единымъ словомъ не даетъ понять женѣ, что знаетъ объ ея положеніи, и только самодовольно освѣдомляется объ ея здоровьи.

Между тѣмъ въ сосѣднихъ и дальнихъ аулахъ идутъ дѣятельные поиски за здоровой кормилицей, которая могла бы принять ожидаемаго ребенка княгини на воспитаніе. Со дня объявленія беременности княгини, въ ней каждый день приходятъ женщины съ мужьями, родственниками и родственницы и каждая изъ нихъ, принося что-либо въ подарокъ — козла, барана, корову, лошадь или какія-либо другія вещи, просятъ княгиню принять ее въ качествѣ кормилицы.

Надо прежде всего выяснитъ, почему въ Абхазіи у привилегированнаго сословія установился обычай отдавать сво-

ихъ дѣтей на воспитаніе кормилицамъ, и почему простое сословіе охотно принимаетъ и воспитываетъ дѣтей своихъ князей. Необходимо замѣтить, что всѣ обычаи, нравы и даже сама религія у Абхацевъ имѣютъ свою практическую подкладку: во всемъ Абхазецъ ищетъ случая закрѣпить свое положеніе, найти себѣ твердую опору, союзниковъ и покровителей.

Обычай отдавать дѣтей на воспитаніе кормилицамъ основанъ на стремленіи князей быть какъ можно ближе къ простому сословію или къ сосѣднимъ племенамъ, чтобы снизить у нихъ расположеніе и преданность къ себѣ. Крестьяне нужны князю для усиленія его могущества и для поддержки его во время разныхъ затрудненій боевой его жизни. Нерѣдко князья Абхазіи, желая распространить свое вліяніе и за предѣлы своего княжества, отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе въ Самурзаканъ, Мингрелію и даже Гурію и Имеретію, чтобы и тамъ имѣть вѣрныхъ себѣ людей и получить въ критическихъ обстоятельствахъ оттуда помощь. Съ своей стороны и простое сословіе всегда радо породниться съ княземъ, чтобы приобрести въ лицѣ его себѣ сильнаго защитника и покровителя.

Не только въ прежнее время, но и теперь цѣлое семейство, цѣлая деревня, желая употребить какую-нибудь сильную клятву для подтвержденія какаго-либо обстоятельства, призываетъ имя своего воспитанника словами: „клянусь владѣтелемъ“ или „клянусь его сыномъ“, либо „дочерью его, что я правду говорю“. Къ подобной клятвѣ Абхазцы прибѣгаютъ почти на каждомъ шагѣ. Въ свою очередь и воспитанники съ особенной любовью относятся къ своимъ кормилицамъ, ихъ мужьямъ, молочнымъ братьямъ и сестрамъ; за ихъ интересы они готовы жертвовать своею жизнью. И какъ не жертвовать, когда не только кормилица, но и вся деревня постоянно готовы поддерживать своего воспитанника день-

гами. Имуществомъ — движимымъ и недвижимымъ. Она сво-
рѣ согласается идти въ каторгу, чѣмъ выдать своего воспи-
танника начальству за какое-либо преступленіе, зная при
этомъ, что и воспитанникъ съ своей стороны рано или позд-
но отблагодаритъ ихъ.

Со смерти послѣдняго владѣтеля Абхазіи, свѣтлѣйшаго
князя Михаила Шервашидзе (который тоже считался воспи-
танникомъ Черкесовъ, Убыховъ и Джигетцевъ, всегда помо-
гавшихъ ему доставкой отборнѣйшей дружины для защиты
противъ враговъ) и съ освобожденіемъ зависимыхъ сословій
въ Абхазіи, обычай этотъ принялъ нѣсколько другое направ-
леніе. Абхазцы, хорошо сознавая значеніе русской власти
въ краѣ, всячески стараются заручиться въ средѣ Русскихъ
какимъ-нибудь сильнымъ защитникомъ своихъ интересовъ, и
вотъ они являются въ духовенству, административнымъ или
судебнымъ чиновникамъ съ просьбой отдавать имъ своихъ
дѣтей на воспитаніе. Многіе Абхазцы даже принимаютъ
православіе изъ своихъ личныхъ интересовъ, желая имѣть
крестнымъ отцомъ какое-либо вліятельное лицо, которое мо-
гло бы въ случаѣ нужды помочь и защитить своего крест-
ника.

Женщина, выбранная въ кормилицы, находится почти
безотлучно при беременной княгинѣ; вромѣ того ее окру-
жаютъ родные, знакомые и ближайшія сосѣдки. Для того,
чтобы кормилица могла совершить обратный свой путь въ
деревню съ почетомъ и безъ особыхъ затрудненій и не при-
чинила никакого вреда новорожденному, при ней находится
ея мужъ и разные родственники. Сверхъ того въ большой
княгинѣ приглашаются и деревенскія дѣвушки, умѣющія
пѣть веселыя пѣсни и рассказывать сказки. Онѣ узаселяютъ
больную во время безсонныхъ ея ночей. Мужъ же княгини
уѣзжаетъ въ дальнюю деревню: по обычаю краѣ ему воспре-
щено являться въ домъ впродъ до полнаго выздоровленія

его жены. Во время родов оольная хватается за веревку, привязанную къ потолку и такъ танетъ ее къ себѣ, что часто срываетъ съ гвоздя, или же сама приподнимается съ постели, чтобы облегчить себѣ страшныя боли. Но при этомъ она старается не издавать ни одного звука, который могъ бы дойти до слуха тещи или теста. Она должна молча переносить свои страданія, а въ случаѣ несчастнаго исхода—молча умереть,—иначе она опозорила себя навсегда! Наконецъ раздается крикъ радости. Княгиня родила дѣвочку. Конечно, бѣдная мать выиграла бы въ глазахъ мужа и всѣхъ родныхъ на много процентовъ, если бы родила сына; однако она все-таки не теряетъ общаго уваженія, потому что нѣтъ основанія думать, что она безплодна и черезъ нѣкоторое время она можетъ подарить мужа наслѣдникомъ.

Къ постели родильницы подбѣгаетъ кормилица и ея родственницы и берутъ новорожденную няжну къ себѣ. Между тѣмъ, къ княгинѣ спѣшаютъ родные съ поздравленіями. Она рада, что ей не придется кормить ребенка, и такимъ образомъ надѣется сохранить свою красоту и грацію. Нѣкоторые изъ родильницъ встаютъ съ постели на 7-й или на 5-й день, а другія на 30-й или на 40-й; но чѣмъ раньше она оставитъ свою постель, тѣмъ большую приобретаетъ похвалу. Черезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ мужъ и поздравляетъ жену съ освобожденіемъ отъ бремени.

Послѣдуемъ за кормилицей. Укутавъ и связавъ ребенка, кормилица направляется къ себѣ домой съ своей дорогой ношей, въ сопровожденіи мужа и своихъ родственниковъ. Ее уже давно ожидаетъ цѣлое селеніе. Подходя къ дому кормилицы, мы видимъ, что вся усадьба слегка загорожена оградой изъ хвороста. Посреди ея стоитъ плетневая сакля, а недалеко еще три сарая, тоже плетневые. На дворѣ пасутся овцы, бараны, козы, буйволы и т. д. Почти вся деревня кидается на встрѣчу въ кормилицѣ, всѣ спѣшаютъ снять пріѣз-

жихъ съ лошадей, поздравляютъ кормилицу съ ольгополучнымъ исходомъ дѣла и т. д.

Послѣ купанья маленькой княжны, ее пеленаютъ въ болѣе или менѣе цѣнныя матеріи, смотря по состоянію, и кладутъ въ деревянную о 4-хъ ножкахъ люльку. Двумя пеленками, пришитыми къ передней части люльки съ боковыхъ сторонъ; закрываютъ ей грудь и руки, а двумя—бедрa и голени, затѣмъ обтягиваютъ ихъ шнурками и концы ихъ навручиваютъ на горизонтальный цилиндръ, идущій отъ головы ребенка до ногъ. Голову закрываютъ платкомъ и кладутъ подъ нее подушку, а все тѣло накрываютъ одѣяломъ, смотря по времени года. Горизонтальный цилиндръ отстоитъ отъ туловища ребенка на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ аршина и на немъ висятъ красивыя четки или серебряное ожерелье, чтобы ребенокъ могъ любоваться ими, а со временемъ держать ихъ своими дѣтскими ручками. Въ такой люлькѣ ребенокъ сдавленъ какъ въ тискахъ. Лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оставляютъ ему руки на свободѣ. Чтобы не перемѣнять часто пеленокъ, посрединѣ постели въ люлькѣ имѣется отверстіе, куда вставляется трубочка съ загнутымъ концомъ, черезъ которую проходитъ моча. Концы ножекъ люльки представляютъ собою сегменты круга, причѣмъ середина ихъ касается пола, а края отстоятъ отъ земли на 1 или 2 вершка. Такое устройство люльки даетъ возможность кормилицѣ, когда она занята чѣмъ-нибудь, укачивать ребенка. Отъ подобной боковой качки ребенокъ волей-неволей засыпаетъ. Купаніе ребенка происходитъ ежедневно. Въ случаѣ появленія красноты въ складкахъ кожи ребенка, ее посыпаютъ желтоватой пылью; собираемой изъ гнилыхъ ольховыхъ досокъ. Кормится ребенокъ исключительно женскимъ молокомъ; къ коровьему молоку прибѣгаютъ очень рѣдко, такъ какъ обыкновенно не бываетъ недостатка въ женскомъ молокѣ. Если здоровая кормилица, имѣвшая обильное молоко, вдругъ почувствуетъ потерю этого молока, то на скорую

руку сзываетъ ~~многомъ кормилицъ, которая обыкновенно эту ма-~~
терю тѣмъ, что на дорогѣ кормилицу сглазили. Въ одинъ
мигъ являются нѣсколько конкурентовъ съ предложеніемъ
своихъ услугъ на счетъ кормленія младенца, зная отлично, что
и онѣ съ своими мужьями и родственниками такимъ образомъ
входятъ въ родство съ родителями младенца и имѣютъ полное
право тоже пользоваться ихъ подарками, вниманіемъ, защитой
и покровительствомъ. Иной разъ у одного ребенка бываетъ 5
или 6 кормилицъ. Но пальма первенства все-таки остается
за первой кормилицей и на ней прежде всего лежитъ от-
вѣтственность за жизнь и здоровье ребенка.

Навѣсъ сакли, въ которую вступила кормилица съ ре-
бенкомъ, представляетъ изъ себя гостиную и совѣщательную
комнату. По бокамъ навѣса устроены нары и служатъ лѣ-
томъ постелью гостямъ и хозяевамъ. Самая сакля, устроен-
ная изъ плетенаго забора и крытая соломой или папорот-
никомъ, состоитъ изъ одного или изъ двухъ отдѣленій, смо-
тря по средствамъ домовладѣльца. Въ первомъ отдѣленіи по
бокамъ стѣны также устроены нары для зимнихъ гостей и
для главы семейства и его супруги. Въ одномъ углу на на-
рѣ прежде всего поражаетъ насъ громадное количество по-
стелей, которыя лежатъ одна на другой и образуютъ малень-
кую горку. Матрацы и подушки большею частью покрыты
бѣлымъ мягкимъ сафьяномъ, выдѣлываемымъ самой хозяйкой
дома и ея дочерьями. Спать на нихъ лѣтомъ очень пріятно,
зимой же только для гостей покрываютъ ихъ простынями.
Одѣяла и вообще вся постель безукоризненно чисты, и нѣтъ
такого бѣдняка въ Абхазіи, который не заботился бы объ
этой чистотѣ. Полъ въ саклѣ земляной, постоянно чистый, въ
день нѣсколько разъ поливается водой во избѣжаніе пыли.
По срединѣ землянаго пола видно маленькое углубленіе, гдѣ
зимой разводятъ огонь и грѣются гости и семейство хозяина.
Надъ углубленіемъ этимъ висятъ котлы для варки кувуруз-

наго гоми

конецъ котораго прикрѣпленъ въ балей, перекинутой черезъ всю савлю, а другой представляетъ изъ себя крючекъ для поддерживанія котловъ. По всей длинѣ шеста идутъ довольно глубокіе нарѣзы, устроенные для того, чтобы поднимать и опускать котлы во время кипѣнія воды. Потолка здѣсь нѣтъ никакого: видны только одни стропила и длинная горизонтальная балка, къ которой прикрѣплены эти стропила. Зимой очень дымить въ такомъ помѣщеніи, но, впрочемъ, въ немъ есть своего рода вентиляція. Во второмъ отдѣленіи тѣ же нары, та же постель, предназначенная для дѣтей хозяевъ. Подобныя савли приспособлены скорѣе для лѣтняго помѣщенія, чтобы защитить отъ жары, но чтобы зимой не продувало, ихъ обвязываютъ кругомъ папоротниками. Ни знойное лѣто, ни жестокая зима не причиняютъ вреда маленькимъ ребятишкамъ, которые шныряютъ здѣсь изъ угла въ уголъ почти голые, и рѣдко кто изъ нихъ или взрослыхъ знаетъ, что такое простуда. Прежде чѣмъ расположиться подъ навѣсомъ, хозяева и гости нѣкоторое время упраскиваютъ другъ друга съ разными церемоніями сѣсть первымъ, но ни тѣ, ни другіе не соглашаются сѣсть раньше, пока наконецъ какойнибудь старикъ не рискнетъ показать другимъ примѣръ и не выберетъ себѣ мѣстечка. При этомъ каждый шагъ, каждое движеніе непременно вызываетъ съ той или съ другой стороны рядъ просьбъ, поклоновъ, подниманій и опусканій рукъ. Женщины пока не выходятъ, а осматриваютъ гостей изъ щелей плетевой савли.

При встрѣчѣ гостей мужчины рукъ не подаютъ и шапокъ не снимаютъ, а поднимаютъ вверхъ руку, складывая три пальца—большой, указательный и средній, и произносятъ обычный привѣтъ:—„Добрый вечеръ! пожалуйста, милости просимъ“. Гости тавъ же складываютъ три пальца и отвѣчаютъ: „Добраго вамъ здоровья“!

Гостеприимство у них считается особой священной, желательной во всякое время. Въ силу установленнаго обычая гость не спрашиваетъ хозяина дома, принимаютъ ли его или нѣтъ; ему только необходимо, въ случаѣ отсутствія хозяина дома, самому разсѣдлатъ свою лошадь и сѣдло повѣсить на стѣнѣ.

Затѣмъ онъ становится домашнимъ человѣкомъ и за отсутствіемъ мужчинъ его угощаютъ женщины.

Кстати о гостеприимствѣ въ Абхазіи. Гости не требуютъ отъ хозяина богатаго угощенія: достаточно вынести имъ кислаго молока, сыру, кузурузнаго гоми и вина, или же остатокъ вчерашняго мяса,—и они навѣрно останутся довольны. Но когда въ Абхазію пріѣзжаютъ чужеземцы—Черкесы, Мингрельцы или представители администраціи, то тогда хозяинъ употребляетъ уже всѣ силы, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Если у него ощущается недостатокъ въ припасахъ, то сосѣди приносятъ ему разную провизію. Подобное взаимное одолженіе никого не стѣсняетъ, потому что каждый изъ нихъ въ свою очередь рассчитываетъ на помощь сосѣдей, когда и ему придется принимать гостей. Если случается, что гости пріѣзжаютъ ночью и ни у хозяина, ни у сосѣдей нѣтъ ничего, кромѣ кислаго молока или гоми, то чтобы выйти съ честью изъ такого затруднительнаго положенія, хозяинъ самъ или сынъ его мчится, какъ можетъ только быстро, въ ближнее селеніе, чтобы достать тамъ все нужное. Въ случаѣ, если тамъ ему откажутъ въ просимомъ, что очень рѣдко случается, то онъ не прочь и украсть, что необходимо для угощенія дорогаго гостя.

Передъ гостями ставятъ длинный столъ, причемъ начинаются церемоніи, кому прежде и гдѣ садится; потомъ подають всѣмъ умыть руки. Одинъ держитъ тазъ, другой кувшинъ, а третій салфетку. Последняя обязанность обыновен-

НО ВЫПАДАЕТЪ НА ДОЛГО ОДНОЮ ИЗЪ КРАСИВЫХЪ ДОЧЕРЕЙ ХОЗЯИНА, И ТА, ОТВѢСИВЪ ВСѢМЪ ПОКЛОНЪ, ОБХОДИТЬ СЪ ПОЛОТЕНЦЕМЪ КРУГОМЪ И ЗАТѢМЪ УДАЛЯЕТСЯ НА СВОЮ ПОЛОВИНУ. ТУТЪ ЕСТЬ СВОЯ ЦѢЛЬ, ИМЕННО, ЧТОБЫ ГОСТИ ИМѢЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСМОТРѢТЬ НА ХОЗЯЙСКУЮ ДОЧКУ И СОСТАВИТЬ СЕБѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ОБЪ ЕЯ КРАСОТѢ И ГРАЦІИ. ЗАТѢМЪ ПОДАЮТЪ НА СТОЛЪ КУШАНЫЯ ВСѢ СРАЗУ И ПРИСТУПАЮТЪ КЪ ОБѢДУ ИЛИ УЖИНУ. ХОЗЯИНЪ И ЕГО РОДСТВЕННИКИ ВСЕ ВРЕМЯ СТОЯТЪ И СЪ ПОДОБАЮЩИМЪ ВНИМАНІЕМЪ СЛУШАЮТЪ РАЗСКАЗЫ ГОСТЕЙ, ПЕРЕБИВАТЬ ИХЪ ОНИ НЕ СМѢЮТЪ, ХОТЯ БЫ ТѢ ВРАЛИ БЕЗЪ ЗАРВНІЯ СОВѢСТИ: ТОГО ТРЕБУЕТЪ ВѢЖЛИВОСТЬ ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ГОСТЯМЪ. ЧЕРЕЗЪ НѢСКОЛЬКО ВРЕМЕНИ ВЫХОДИТЪ ХОЗЯЙКА И ПРИВѢТСТВУЕТЪ ГОСТЕЙ НИЗКИМЪ ПОКЛОНОМЪ; ГОСТИ ВСТАЮТЪ И СЪ СВОЕЙ СТОРОНЫ ВЗАИМНО ПРИВѢТСТВУЮТЪ ЕЕ. У АБХАЗЦЕВЪ СЧИТАЕТСЯ ДОЛГОМЪ ПРИ КАЖДОМЪ ПОЯВЛЕНІИ НОВАГО ЛИЦА, А ВЪ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИНЪ, НЕПРЕМѢННО ВСТАТЬ И СПРАВИТЬСЯ О ЗДОРОВЬИ ВОШЕДШАГО. СЪ ПОЯВЛЕНІЕМЪ ХОЗЯЙКИ, ХОЗЯИНЪ САДИТСЯ ЗА ОБЩІЙ СТОЛЪ.

ПО ОКОНЧАНІИ ОБѢДА ВНОВЬ ПОДАЮТЪ ВОДЫ УМЫТЬ РУКИ И ВЫПОЛОСКАТЬ РОТЬ, А ПОТОМЪ ЛЮБЕЗНАЯ ХОЗЯЙКА ПРЕДЛАГАЕТЪ ПО ОЧЕРЕДИ ВСѢМЪ ОТДОХНУТЬ НЕМНОГО. НО КИПУЧАЯ И ПОДВИЖНАЯ НАТУРА АБХАЗЦА НЕ ВЫНОСИТЪ ДОЛГАГО ПОКОЯ; ОНЪ БЛАГОДАРИТЬ ХОЗЯЕВЪ И СКОРО УЅЖАЕТЪ ИЛИ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ВАКУЮ ЛИБО РАБОТУ. ПРИ ОТЪѢЗДѢ ГОСТЯ, КОГДА ОНЪ САДИТСЯ НА ЛОШАДЬ, ПОДБѢГАЮТЪ ХОЗЯИНЪ И ЕГО РОДСТВЕННИКИ, ЧТОБЫ ПОДДЕРЖАТЬ СТРЕМЯ И ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ВСАДНИКУ ПОДНЯТЬСЯ НА ЛОШАДЬ. ТУТЪ ОПЯТЬ ПРОИСХОДЯТЪ ЦЕРЕМОНИИ: ОТЪѢЗЖАЮЩІЙ ГОСТЬ УВѢРЯЕТЪ ХОЗЯИНА, ЧТО НЕ ЖЕЛАЕТЪ ЕГО БЕЗПОКОИТЬ, А ХОЗЯИНЪ ПОЧТИ НАСИЛЬНО ДОМОГАЕТСЯ ПОДДЕРЖАТЬ СТРЕМЯ. ХОТЯ ГОСТИ ВИДИМО ИЗБѢГАЮТЪ ЭТИХЪ УСЛУГЪ, НО НЕ ОСОБЕННО ТОРОПЯТСЯ САДИТЬСЯ НА ЛОШАДЬ И УВРАДКОЙ СМОТРЕТЬ, НЕ ПОДОЙДЕТЬ ЛИ КТО-НИБУДЬ ПОДДЕРЖАТЬ СТРЕМЯ. ОТЪѢЗЖАЯ ОТЪ ДОМА, КАЖДЫЙ ГОСТЬ СЧИТАЕТЪ СВОЕЮ ОБЯЗАННОСТЮ ПОКАЗАТЬ СВОЕ ИСКУССТВО ВЪ ВЕРХОВОЙ ѢЗДѢ: СНАЧАЛА ОНЪ ПУСКАЕТЪ ЛОШАДЬ ВО

весь карьеръ, потому сразу останавливается ея и затѣмъ составляетъ сдѣлать такой прыжокъ, отъ котораго плохой всадникъ свернулъ бы себѣ шею. Во время такихъ эволюцій всадникъ старается производить своею красивою плетью мѣткіе удары по бедрамъ лошади, при этомъ искусство ударовъ въ томъ состоитъ, чтобы они издавали сильные звуки.

Если кто-либо изъ гостей остается ночевать, то послѣ ужина хозяйская дочь приноситъ имъ чашку съ водой и умываетъ всѣмъ ноги; кромѣ того снимаетъ съ гостей и владеть тутъ же около нихъ ихъ шапки, кинжалы, черкески, бешметы, брюки и чуваки. Случается, что во время умыванія ногъ какой-нибудь молодой гость, увлекшись красотой и ловкостью хозяйской дочери, предлагаетъ ей свою руку и сердце, не позволяя себѣ впрочемъ при этомъ никакихъ лишнихъ словъ, могущихъ возмутить дѣвичью цѣломудренность.

Абхазскіе крестьяне ложатся спать и встаютъ рано. Затѣмъ на скорую руку закусываютъ чѣмъ Богъ послалъ и отправляются по своимъ дѣламъ, не принимая пищи до самаго вечера, въ особенности, если предстоитъ имъ какая-нибудь длинная дорога или явка въ судъ. Абхазецъ вообще гонится больше за тѣмъ, чтобы побольше собрать матеріаловъ для вечерняго разговора, чѣмъ за удовлетвореніемъ своего желудка.

Мальчики 5-ти лѣтъ пасутъ домашній скотъ; съ 8-ми лѣтъ учатся владѣть оружіемъ и лошадыю, а съ 10-ти уже принимаютъ участіе въ дѣлахъ отца. Если у абхазскаго крестьянина нѣсколько сыновей, то, обыкновенно, одинъ остается при домѣ, а другой безотлучно слѣдуетъ за барантой, лѣтомъ угоняетъ ее въ горы, а зимой завѣдуетъ стрижкой овецъ, сортировкой барашекъ и козлятъ, а также доставкой молока и сыру. Третій же сынъ, если только отличается особою ловкостью, поступаетъ къ тому лицу, которое славится въ деревнѣ своей энергією, храбростію, воровствомъ, гра-

бежами в дружные подопытные двоями. повругъ тавого лица обыкновенно собирается энергичная молодежь и подъ его руководствомъ проходитъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ извѣстный курсъ занятій, направленныхъ исключительно противъ чужой собственности. Мать, отдавая сыну первое вооруженіе, благословляетъ его слѣдующими словами:

— „Дай, Господи, тебѣ здоровья и успѣха во всѣхъ воровствахъ. Старайся заслужить уваженіе односельцевъ и не забывай ни меня, ни твоихъ родныхъ въ случаѣ благополучнаго исхода дѣла во время твоихъ ночныхъ походовъ“.

Старики же сидятъ дома или поступаютъ въ составъ сельскихъ властей.

Очень много времени тратятъ Абхазцы, таскаясь по судамъ, выслушивая внимательно разные процессы и стараясь проникнуть въ духъ административныхъ и мировыхъ учреждений. По своимъ способностямъ они быстро схватываютъ выгодныя для себя стороны мирового суда и согласно съ этимъ стараются обставлять свои преступленія такъ, чтобы законъ не могъ обвинить ихъ.

Но возвратимся къ нашей кормилицѣ и ея питомицѣ.

Княжнѣ уже дали имя Есмаханумъ. Она растетъ и преуспѣваетъ во всѣхъ абхазскихъ добродѣтеляхъ. Кормилица ея всѣми силами старается, чтобы ея воспитанница подходила къ идеалу женщины, созданному Абхазцами, т. е. чтобы она могла плѣнять всякаго своей красотой, манерами и граціозной ловкостью. Идеальными же чертами мужчинъ считаются: представительность, энергія, находчивость и неустрашимая храбрость. И вотъ наша кормилица употребляетъ всё мѣры, чтобы княжна Есмаханумъ имѣла крошечныя ножки, тонкую талью, невысокую грудь, черныя тоненькія брови, высокій и выпуклый лобъ, длинныя косы, прямой носъ, здоровый цвѣтъ лица, прямую осанку, длинныя пальцы и граціозныя манеры съ примѣсью легкаго кокетства.

Кромѣ того княжна должна имѣть конатис и ризымаѣ рубоу-дѣльяхъ. Она должна обучаться выдѣлѣть матраца, пригото-влению сукна для черески и баншыка, тканью матеріи для бѣлья, умѣнію шить чувыяи изъ сафьяна, шить бѣлье, верхнюю одежду и вышивать различные узоры для украшенія одежды или обуви. Свѣдѣнія по этимъ отраслямъ приобрета-ются сначала въ домѣ кормилицы, а потомъ въ домѣ ро-дителей, гдѣ вмѣстѣ съ княжной живетъ и дочь кормилицы, которая состоитъ при ней въ качествѣ подруги, не смотря на свое происхожденіе изъ крестьянскаго сословія, и только выходъ княжны замужъ заставляеть названную подругу воз-вратиться къ своей матери. Ребенокъ кормится молокомъ кормилицы до 3, 5 и даже до 7-ми лѣтъ. Есть воспитанни-ки въ Сухумской горской школѣ, которые хорошо помнятъ, какъ они сосали грудь кормилицы. Кормилица не получаетъ никакой установленной платы за воспитаніе ребенка, за ис-ключеніемъ добровольныхъ подарковъ со стороны родителей воспитанницы. На третій годъ наша кормилица ведетъ княж-ну Есмаханумъ къ родителямъ ея. По обычаю необходимо, чтобы родители убѣдились во-очію въ здоровьи ребенка и хорошемъ за нимъ уходѣ; иначе кормилица можетъ наѣли-кать на себя гнѣвъ этихъ родителей. Интересы ребенка на столько святы и дороги для кормилицы, что она во все вре-мя кормленія чужаго ребенка не имѣетъ никакихъ интим-ныхъ сношеній съ мужемъ, зная, что въ случаѣ ея беремен-ности молоко ея будетъ вредно для воспитанницы. Мужъ кормилицы тоже держитъ свято этотъ обычай.

Во время перваго привода княжны къ ея родителямъ кормилица ѣдетъ съ подобающими княжескому званію подар-ками. Съ ней ѣдутъ человекъ 10 или 15 родственниковъ ея. Родители княжны, удостовѣрившись въ добромъ здоровьи своего ребенка, благодарять кормилицу и въ свою очередь отдариваютъ ее и ея спутниковъ разными подарками.

Разск...
 Тада Анчабадзе отдалъ своего сына Тарасхана на воспитаніе одному Джигетцу, который, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, доставилъ къ отцу своего воспитанника и при этомъ привелъ въ подарокъ 100 осѣдланыхъ и 100 неосѣдланыхъ лошадей. На вопросъ Тада Анчабадзе, что воспитатель желаетъ получить за труды воспитанія, отвѣтъ былъ таковъ: „Заплатите мнѣ за все наличными деньгами“. Князь Анчабадзе хотя былъ богатъ, но не располагалъ таемъ большимъ наличнымъ капиталомъ, и потому обратился за помощью къ цѣлому аулу, своимъ родственникамъ и однофамильцамъ. Только при помощи ихъ онъ могъ отблагодарить Джигетца, отдавъ ему громадный кувшинъ, наполненный серебряной монетой и подаривъ также тѣхъ, которые сопровождали воспитателя его сына. Молодой Тарасханъ Анчабадзе дѣйствительно получилъ блистательное горское воспитаніе; это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ теперь находится въ бѣгахъ за разные преступленія.

Почти все благосостояніе Абхазіи держится на взаимныхъ услугахъ Абхазцевъ.

До 7 или до 8 лѣтъ молодая княжна уже нѣсколько разъ побывала съ кормилицей у своихъ родителей. У нея уже дѣйствительно ножки крошечныя, потому что съ перваго дня рожденія кормилица спила ей такіе башмачки изъ сафьяна, что въ нихъ ножки лишены были свободнаго роста; талья тоже тонкая, такъ какъ та же кормилица спила ей таковой узкій лифчикъ, что онъ сильнѣе стягиваетъ талью, чѣмъ корсеты цивилизованныхъ женщинъ.

Но вотъ княжнѣ минуло уже 10 лѣтъ, и она переселается въ домъ родителей, гдѣ заканчивается ея воспитаніе. Однако же она не перестаетъ любить свою кормилицу и весьма часто навѣщаетъ ее. Свое горе и радость она раздѣляетъ съ дочерью кормилицы, которая сопровождаетъ ее вездѣ.

Княжнѣ Хованскій, которая лицо ее было очень блѣднѣ, брови чернѣе ночи, а талыя проходила „сквозь золотое кольцо“.

Въ этомъ возрастѣ у княжны особенно развивается кокетство, а женская практика выработала разные искусственныя средства для приданія лицу красоты. Для того, чтобы сдѣлать лицо бѣлымъ, берутъ немного ртути и острой водки, кипятятъ это хорошенько, полученный настой очищаютъ соленой водой до тѣхъ поръ, пока не получится чистый осадокъ, которымъ и смазываютъ лицо. Для того же, чтобы кожа лица была мягка, собираютъ зерна съ молодой кукурузы, выжимаютъ ихъ и образовавшійся сокъ выставляютъ на солнце. Полученный отъ этого крахмалъ собираютъ и на ночь смазываютъ имъ лицо. Отъ загара мажутъ лицо пѣнкой, полученной при кипяченіи алычи въ водѣ. Для того, чтобы сдѣлать брови черными, мажутъ ихъ особымъ составомъ, полученнымъ изъ чернильныхъ орѣшковъ. Составъ этотъ получается слѣдующимъ образомъ. Сначала орѣшки немного поджариваютъ, потомъ толкутъ ихъ, пока они не обратятся въ порошокъ; въ этотъ порошокъ вливаютъ немного воды и размѣшиваютъ кускомъ свинца. Полученною жидкостью смазываютъ брови и ресницы. Округлую форму и тонкость бровямъ придаютъ, выдергивая кончикомъ перочиннаго ножа изъ бровей всѣ излишніе волоски. Пухъ на лицѣ уничтожаютъ помощью скрученныхъ шелковинокъ, это средство имѣетъ еще и другую цѣль — придать красноту щекамъ.

Если хотятъ сдѣлать лобъ высокимъ и болѣе открытымъ, то сбываютъ волосы на одинъ вершокъ отъ верхней части лба и къ бритому мѣсту прикладываютъ еще неостывшее мясо только что убитой черной вороны.

Мужчины также иногда красятъ себѣ волосы на головѣ, усахъ и бородѣ настоемъ изъ ячменя.

Развлеченія молодежи составляютъ: игра въ мячъ, бѣгъ,

прыжки, Сначала, иногда съ прыжками и воздушными гимназическими визаціями.

Въ воскресенье или въ свободные отъ работъ дни молодежь собирается на ровной полянѣ подъ роскошными широколиственными деревьями и кто-нибудь объявляетъ о часѣ начатія игры въ мячъ. Сначала игру затѣваютъ маленькіе, а потомъ присоединяются къ ней и большіе. Въ этой игрѣ женщины не принимаютъ участія и лишь издали смотрятъ и любятъ любоваться, силой или смѣлыми прыжками черезъ ровъ молодыхъ парней. Многіе упражняются въ перепрыгиваніи черезъ барьеръ—высотой въ сажень, или перепрыгиваютъ черезъ двѣ бурки, разостланныя на ровномъ мѣстѣ—въ длину на 2 и 3 сажени. Кромѣ того, ставятъ подрядъ 5 или 10 человекъ и перепрыгиваютъ черезъ ихъ головы. Часто происходитъ и состязаніе въ бѣгѣ.

Для танцевъ составляется большой кругъ изъ молодыхъ кавалеровъ и дѣвиць. Диаметръ этого круга бываетъ 60, а иногда и 100 аршинъ. Около каждаго кавалера стоитъ дѣвица или молодая замужняя женщина. По командѣ загввалы, въ одинъ мигъ всѣ берутся за руки и начинается бѣгъ сначала на мѣстѣ, потомъ справа налѣво и слѣва направо. Круговое движеніе происходитъ подъ тактъ пѣсенниковъ; поютъ всѣ безъ исключенія, но и пѣніе это подчинено своего рода дисциплинѣ. Сначала поетъ часть, которая входитъ въ составъ первой четверти круга, потомъ второй и т. д., или же начинаетъ первая половина, а затѣмъ повторяетъ вторая, не мѣшая другъ другу и не заставляя танцующихъ прерывать танцы.

Черезъ часъ или два наступаетъ антрактъ; танцоры раздѣляются на двѣ партіи и каждая выставляетъ своего любимаго поэта. Онъ сначала въ стихахъ водунешляетъ присутствующихъ, а затѣмъ вступаетъ въ состязаніе въ стихотворствѣ съ противникомъ, такимъ же поэтомъ, прѣхав-

шимъ изъ другихъ деревень. При этомъ доморощенные абхазскіе поэты выказываютъ большой запасъ поэтическаго творчества. Предварительно каждый изъ нихъ выставляетъ достоинства своего аула, затѣмъ переходитъ къ своей партіи и, наконецъ, нападаетъ съ большимъ шумомъ на противника, не щадя ни его, ни близко стоящихъ къ нему. Народные поэты говорятъ свои стихи въ формѣ хорая или дактиля. Сперва начинаетъ одинъ и послѣ каждого двуступня ему вторить вся его партія, противники отвѣчаютъ такимъ же образомъ. При этомъ состязаніи поэтовъ, танцы обыкновенно не прекращаются, а возобновившись, чередуются съ этими поэтическими импровизаціями. Поэта, заслужившаго шильму первенства, подбрасываютъ на воздухъ и слава о немъ сохраняется въ деревнѣ на долгое время. Но кромѣ круговой пляски, у Абхазцевъ есть и другія, въ которыхъ танцоръ какъ-бы вступаетъ въ состязаніе съ танцоркой. Впередъ выступаютъ пѣсенники; кавалеры, образовавъ кругомъ, бьютъ въ ладоши и на арену выходятъ навалеръ и дѣвица. Все искусство ихъ пляски состоитъ въ выдѣлываніи равныхъ фигуръ, но состязаніе происходитъ о неутомимости: кавалеръ во что бы то ни стало старается утомить свою даму такъ, чтобы она первая отказалась продолжать танецъ. Бываютъ случаи, когда дѣвицы берутъ верхъ и смѣняютъ по 3 или 4 навалера. Въ честь такихъ неутомимыхъ плясуній составляются хвалебные гимны; и будь онъ даже некрасивъ, все-таки онъ находитъ себѣ жениховъ.

Въ пляскѣ и вообще въ народныхъ празднествахъ принимаютъ участіе всѣ сословія безъ разбора; на какъ же бываетъ и молодая княжна. Но корнелица должна торопиться докончить ея воспитаніе. Она заботится, чтобы княжна, кромѣ красоты, выработала себѣ рѣшительный и энергичный характеръ, искусство говорить красно, обладала находчивостію и чтобы умѣла играть на какомъ-нибудь инструментѣ

и гвѣтъ. Изъ мужчинъ, кромѣ ста охотниковъ или охранныхъ ухаживаются почти всѣ Абхазцы безъ различія сословій и пола, а на 6-ти голосовой свирѣли играютъ исключительно пастухи.

Княжѣ необходимо также выучиться владѣть холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Такъ какъ Абхазцы, отправляясь на грабежъ и разбой, часто оставляютъ свои семьи на продолжительное время, то потому женщина должна умѣть защищать себя въ случаѣ какаго-нибудь нападенія. Иногда же женщины сопровождаютъ своихъ мужей въ ихъ ночныхъ походахъ. Въ такомъ случаѣ княжѣ нужно еще выучиться управлять буйной лошадыю и привыкнуть къ самой быстрой скачкѣ.

Въ Абхазіи нерѣдко можно было встрѣтить ночью женщину, одѣтую въ черкеску, съ башлыкомъ на головѣ и въ полномъ вооруженіи, скачущую въ сопровожденіи отборнѣйшихъ всадниковъ во весь карьеръ на ретивомъ конѣ. Перѣхать въ бродъ черезъ большую рѣку, сдѣлать стоверстное разстояніе, ограбить, поджечь, взять кого-либо въ плѣнъ, а въ случаѣ надобности и броситься съ шашкой на некріпателя— все это казалось для подобной женщины дѣломъ обыкновеннымъ.

Молодая княжна могла бы назвать себя счастливой, если бы въ одинъ день не передали ей, что сынъ ея кормилицы утонулъ. Княжна босикомъ прибѣгаетъ къ своей кормилицѣ и вмѣстѣ съ ней рветъ на себѣ роскошныя свои косы, царапаетъ себѣ лицо ногтями до крови и заливается слезами. Собирается все селеніе, надо достать трупъ. При помощи лучшихъ пловцовъ удается найти утопленника и затѣмъ предають его тѣло землѣ. Но этого мало. Надо достать изъ воды его душу. Для этого собираются пѣсенники, танцовщицы, скрипачи и перекидываютъ черезъ рѣку шелковый или серебряный шнурокъ, на которомъ вѣшаютъ маленькій бурдючекъ. Открытый конецъ его чуть-чуть касается поверхности рѣки. Абхазцы убѣждены, что молитва, игра и музыка подѣйствуютъ на

душу утопленника и она прямо вѣдетъ въ этотъ оудючень: Отъ воздуха бурдючекъ начинаетъ раздуваться, послѣ чего завязываютъ его и находящійся въ немъ воздухъ выпускаютъ въ свѣжую могилу утопленника. По окончаніи этой церемоніи, родители и родственники возвращаются домой съ болѣе спокойнымъ сердцемъ, утѣривъ себя, что душа найдена и соединена съ тѣломъ.

Какъ первобытный народъ, Абхазцы очень суевѣрны. Во всѣхъ явленіяхъ природы они видятъ какую-то таинственную, сверхъ-естественную силу—чистую или нечистую. Напримеръ, въ жизни ихъ большую роль играютъ вѣдьмы. Глубоко состарѣвшуюся женщину въ Абхазіи называютъ вѣдьмой, но бываютъ таковыя и замужнія молодыя женщины, исключительно принадлежащія въ крестьянскому сословію. По понятіямъ Абхазцевъ, вѣдьмы портятъ не только человека, но и скоть; онѣ по ночамъ отлучаются отъ мужей, наводя на нихъ посредствомъ порошковъ изъ золы и разныхъ нашептываній глубокій сонъ, переодѣваются въ мужской костюмъ и ходятъ воровать или ѣсть легкія у грудныхъ дѣтей, либо сосать молоко у коровъ. И многіе Абхазцы утверждаютъ, что видѣли все это своими глазами. Если появляется сильная эпизоотія, то несчастье это приписываютъ вѣдьмѣ и потому ее бросаютъ въ воду. Если она идетъ ко дну, то она считается невинной, если же всплываетъ, то ее тутъ же убиваютъ; или же кладутъ ей клеймо на бедра распаленнымъ желѣзомъ, чтобы освободить ее отъ злыхъ духовъ; либо вѣшаютъ на деревѣ и вопятъ ее сильнымъ огнемъ. Въ особенности Абхазцы боятся вѣдьмъ въ Успенскій постъ. Чтобы избѣжать ихъ губительнаго вліянія, они обплѣляютъ волосы на головѣ на все время поста восковой свѣчой.

Въ крестьянскомъ быту личность женщины охранялась самими владѣтельными вѣзьями. Когда жена крестьянина

приходила въ жилищаму съ жалобою на жестокое обращеніе съ нею своего мужа, то помѣщики безъ всякихъ разслѣдованій призывали обвиняемаго и наказывали слѣдующимъ образомъ: виновнаго раздѣвали догола, клали на голой доскѣ и ставили ему на грудь и на животъ нѣсколько чашекъ вислаго молока, чтобы собаки приходили и ѣли изъ этихъ чашекъ.

Но вотъ наша молодая княжна успѣла уже подрости и, благодаря наставленіямъ своей кормилицы, а также и домашней жизни, приобрѣла много совершенствъ: она не только красива, но и обладаетъ сильнымъ характеромъ и неутомима въ пляскѣ. Она успѣла уже побѣдить, на радость своей кормилицы и молочной сестры, въ хоровахъ танцахъ молодого князя Тамшуга, который, увлекшись ея красотой, тогда же пожелалъ рано или поздно завладѣть ею и жениться на ней.

Тамшугъ также воспитывался у кормилицы и очень сильно ее любитъ: она ему все—и братъ, и сестра, и отецъ, и мать, и другъ и пріятель. Онъ тоже окруженъ былъ сыновьями кормилицы, которые оберегали его и были друзьями и спутниками его во всѣхъ его дѣлахъ. Между ними полное равенство. Тамшугъ ихъ называетъ братьями и дѣлитъ съ ними горе и радости. Будучи десяти лѣтъ, онъ прекрасно владѣлъ оружіемъ, былъ наѣздникомъ, выигрывалъ призы на свачкѣ, принималъ участіе въ мелкихъ воровствахъ, и кормилица его возлагала на него большія надежды. Двѣнадцати лѣтъ Тамшугъ былъ отданъ на воспитаніе храброму, опычному князю, заслужившему громкую извѣстность ловчимъ обученіемъ молодыхъ людей воровству, грабежу, разбою, умѣнью напасть на цѣлое селеніе, забрать оттуда побольше цѣнныхъ и ватѣмъ обратить ихъ въ рабство.

Абхазцы въ прежнее время всегда обращали поворенныхъ въ рабовъ и рабынь. Въ Абхазіи насчитывалось пять сословій: къ 1-му принадлежали князья, во 2-му—потом-

ственные дворяне, къ 3-му—личные дворяне, къ 4-му—полусвободные крестьяне и къ 5-му—настоящіе крестьяне-земледѣльцы, на которыхъ лежала самая тяжелая работа. Но Абхазцы упорно настаивали, чтобы контингентъ пятаго сословія состоялъ не изъ коренныхъ Абхазцевъ, а изъ плѣнныхъ, набранныхъ во время нападенія ихъ на Мингрелію, Имеретію, Гурію и даже Грузію. Этимъ объясняется, почему въ крестьянскомъ сословіи въ Абхазіи можно встрѣтить фамиліи мингрельскія, имеретинскія, сванетскія, гурійскія и др., какъ напримѣръ: Абашидзе, Микеладзе, Ахведіани, Дадипкеліани, Эрстовы и т. д. Эти фамиліи въ Имеретіи, Сванетіи, Гуріи и Мингреліи пользуются правами князей и дворянъ, а въ Абхазіи находятся на степени рабовъ.

Тамшугъ уже получилъ какъ-бы дипломъ на званіе прекраснаго молодаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Слава о его храбрости прогремѣла по всѣмъ уголкамъ Абхазіи, и вотъ уже около него собираются нѣсколько молодыхъ людей и просятъ его принять ихъ подъ свое покровительство. Этого мало. Къ Тамшугу многіе обращаются съ просьбой отыскать уворованныхъ у нихъ буйволовъ и лошадей. Замѣчательно, что воровство у Абхазцевъ имѣетъ свою систему. Ни одинъ случай воровства не происходитъ безъ вѣдома жены вора и безъ вѣдома предводителя воровскихъ шаекъ. Эти предводители даютъ инструкціи, какъ и гдѣ воровать, и Воже избави, если кто безъ ихъ вѣдома совершитъ какое-нибудь воровство: его ожидаетъ тогда полное разореніе! Вотъ почему если у Абхазца пропадаетъ какая-нибудь скотина, то онъ, вмѣсто того, чтобы идти въ правительственное учрежденіе, отправляется прямо къ извѣстному предводителю воровъ и подноситъ ему подарокъ. Тотъ сейчасъ же укажетъ, гдѣ находится уворованная вещь, и дѣло кончается скоро.

Кромѣ того предводители воровскихъ шаекъ отличаются необыкновенной способностію узнавать, даже ночью, слышны

уворованно

мучемъ лѣсу, чего полиція пожалуй и не была бы въ состояніи сдѣлать.

Тамшугъ хорошо усвоилъ приемы своего наставника: онъ въ состояніи въ одну ночь кригнуть изъ отдаленныхъ мѣстъ табунъ лошадей, стадо коровъ, бивовъ, раздать ихъ въ ту же ночь своимъ пріятелямъ, либо промѣнять, а на другой день явиться въ общество какъ ни въ чемъ не бывало. Кромѣ того онъ замѣчательный пловецъ, онъ неустрашимо переплываетъ черезъ Ріонъ, Ингуръ, Кодоръ, Бзыбъ, править искусно лодкой и щедръ до-нельзя. Щедрость вообще въ большомъ уваженіи въ Абхазіи. Стоитъ только Абхазцу сказать: „миѣ эта вещь нравится, или эта лошадь очень хорошая“, какъ тотъ, къ кому обращены эти слова, сейчасъ же снимаетъ понравившуюся вещь, даже если бы она была дорогая, и уступаетъ ее тому, кому она понравилась, получая взамиѣнъ можетъ быть старья, изодранныя ведки. Но онъ знаетъ, что его подарокъ рано или поздно отдадется ему чѣмъ-нибудь лучшимъ.

Оружіе у Тамшуга блестящее; лошадь высокая; статная, красивая. Она его самый близкій и неразлучный другъ. Вообще Абхазецъ дорожить своимъ вооруженіемъ, лошадью, обувью, бѣльемъ, башлыкомъ и бешметомъ. Что же касается до черкески, то она вѣчно у него изодранная, и здѣсь считается особеннымъ щегольствомъ, если на новомъ бешметѣ красуется оборванная черкеска. Щегольствомъ также считается носить башлыкъ не на головѣ, а перекинуть его черезъ плечо, голову же подставлять незакрытую подъ раскаленные солнечные лучи и дождь въ непогоду. Еще до знакомства своего съ княжной Есмаханумъ нашъ Тамшугъ упрочилъ себѣ, какъ гласитъ молва, славу своей побѣдой надъ водной русалкой, требовавшей отъ него супружескаго сожителства съ нею въ теченіе одного года. Но Там-

шугъ отказался отъ всенныхъ предложеній и когда обиженная русалка бросилась на него, онъ повалилъ ее на землю, въ одинъ мигъ вырвалъ изъ ея головы нѣсколько волосъ и спря- талъ ихъ въ такомъ мѣстѣ, что не только русалка, но и чертъ не въ состоянн былъ ихъ найти. Отнятые волосы лишили русалку силы и съ того времени она не только не причи- няетъ никакого вреда Тамшугу, но служитъ у него на по- сылкахъ. Абхазцы представляютъ себѣ русалку въ образѣ обворожительной красавицы, съ роскошными свѣтлорусыми косами и голубыми глазами.

Очень часто у Абхазцевъ можно слышать подобные разговоры:

— Ну, братъ, говорить одинъ Абхазецъ другому: меня побѣдила русалка, и я уже болѣе не принадлежу къ вашему обществу.

— Какъ же такъ?

— На-дняхъ ѣду черезъ глухой, непроходимый лѣсъ и вдругъ вижу: около громаднаго дуба стоитъ столъ, на столѣ зеркало и свѣча. За столомъ сидитъ русалка и, любуясь своей красотой, расчесываетъ распущенные до земли волосы.

— Что жъ ты, развѣ не можъ повернуть лошадь и бѣ- жать отъ этой опасной женщины?

— Нѣтъ, братъ, у меня опустились руки, а глаза мои не могли оторваться отъ такого чуднаго зрѣлища. Но когда она меня замѣтила, мигомъ прибрала свои волосы и начала приближаться во мнѣ, такъ что я околчательно потерялся.

— О чемъ же она говорила съ тобой?

— Она не произносила ни одного слова, а подняла всѣ 10 пальцевъ и начала показывать ихъ мнѣ, давая этимъ знать, не согласенъ ли я жить съ нею супружеской жизнью въ теченіе 10 лѣтъ.

— Ты, конечно, не согласился.

— Да, я покачалъ головой отрицательно, но она не

переставала

въ 9, 8 и т. д. Наконецъ, когда она показала мизинецъ, какъ послѣдній знакъ того, согласенъ ли я по крайней мѣрѣ, хоть одинъ годъ жить съ нею, то при этомъ она взглянула на меня такими страшными глазами, что я сейчасъ же испѣшился заявить свое согласіе.

— Плохо, братъ, плохо! Но хорошо, что ты не женатъ, а то она заставила бы разлюбить жену. Впрочемъ, какъ отказать: отъ сожителства съ русалкой, когда она даетъ невообразимую силу, громадное количество денегъ, лошадей, буйволовъ, козъ, овецъ и охраняетъ такъ, что ни разу не попадешься въ воровствѣ. Бѣда только въ томъ, что по окончаніи назначеннаго русалкой срока человѣкъ дѣлается тонко, бревно и питаетъ во всему какую-то апатію.

Съ своими смѣлыми товарищами Тамшугъ задумываетъ исполнить наконецъ свое пламенное желаніе—украсть свою возлюбленную князю Есмаханумъ. И вотъ, выбравъ изъ нихъ 10 самыхъ лучшихъ всадниковъ, онъ мчится съ ними черезъ драматич дѣсь. Часа черезъ два они достигаютъ большой площади, раскинутой на высокомъ холмѣ. Отсюда видны, какъ на ладошѣ, все аулы, состоящее подъ защитой отца Есмаханумъ.

Кругомъ царствуетъ глубокая тишина, прерываемая только иврѣдка воемъ шкваловъ, да лаемъ собакъ. Луна спокойно плыветъ по небосводу. Тамшугъ осторожно подѣлываетъ въ селѣ Есмаханумъ, тихонько стучится въ ея окно. Оно отворилось, отсюда выглядываетъ хорошенькая женская головка. Въ одно мгновеніе она была схвачена, завернута въ теплую шаль и усажена на бѣшеную коня. Теперь Тамшугъ съ своими сокровищемъ и спутниками еще быстрее мчится въ обратный путь. За ними, конечно, поднимается догоня. Родители Есмаханумъ поднимаютъ на ноги все селеніе, всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, чтобы отомстить жениху за нанесенное имъ оскорбленіе. Но все это дѣлается для виду, такъ какъ

у Абхазцевъ не преслѣдуютъ жениха-похитителя, если онъ представляетъ хорошую для украденной невѣсты партію, и тѣмъ болѣе, если женихъ съумѣетъ одарить родителей своей невѣсты и ихъ родственниковъ богатыми подарками. Подъѣзжая къ дому жениха, всадники предупреждаютъ свой аулъ объ удачномъ исходѣ своего дѣла выстрѣлами. Имъ отвѣчаютъ тоже выстрѣлами, и толпа высыпаетъ на встрѣчу жениху и невѣстѣ. Тутъ являются кормилица Есмаханумъ и всѣ тѣ, которые способствовали сближенію жениха и невѣсты; къ особенностямъ здѣсь не бываетъ недостатка въ женщинахъ.

Какъ кормилица, такъ и ея родственники молятся и внимательно слѣдятъ, чтобы кто-нибудь изъ мести не „испортилъ“ жениха. Порча эта состоитъ въ томъ, что злые люди посредствомъ разныхъ нашептываній и свинцовыхъ шариковъ или узловъ на платкахъ могутъ „лишить жениха супружеской способности“. Эти нашептыванія происходятъ во время приближенія жениха къ помѣщенію невѣсты. Я былъ свидѣтелемъ трехъ случаевъ, когда къ отцу моему родители жениха обращались съ просьбой дозволить имъ взять чудотворную икону св. Георгія изъ селенія Илоръ, Очамчирскаго округа, дабы произнести проклятіе надъ виновными. Икона эта наводила и наводитъ страхъ какъ на христіанъ, такъ и на магометанъ и обыкновенно до произнесенія этого проклятія виновные, по убѣжденію суевѣрныхъ Абхазцевъ, дѣлаютъ новыя нашептыванія, боясь гнѣва Божія, и вновь возвращаютъ супружескую способность несчастному жениху.

Съ приближеніемъ къ дому родителей своего жениха, невѣста, будетъ ли она похищена или выходитъ замужъ съ согласія своихъ родителей, закрываетъ свое лицо густою бѣлою вуалью, чтобы никто не могъ ее видѣть.

Наконецъ, лошади всадниковъ остановились. Множество рукъ протягивается съязъ лошадей жениха, невѣсту и

гостей. Родители жениха въ восторгѣ отъ удачнаго помѣщенія невесты ихъ сыномъ, но восторга своего стараются не обнаруживать. Они только одѣты въ парадный костюмъ и принимаютъ поздравленія съ должнымъ вниманіемъ. Между тѣмъ кругомъ идутъ приготовленія къ ужину или вообще угощенію. И сколько въ этотъ день и въ слѣдующіе дни рѣжутъ быковъ, коровъ, овецъ, каплуновъ! Угощеніе это продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ родные и знакомые не перебиваются у жениха и невесты. Для невесты заранее готовится отдѣльное помѣщеніе, которое отводится ей и ея жениху въ вѣчное, потомственное владѣніе. При этомъ иногда не совершается никакихъ обрядовъ, установленныхъ христіанскимъ или магометанскимъ ученіями. Со вступленія невесты въ домъ родителей жениха, она становится его женой, а женихъ настоящимъ мужемъ. Не только до введенія въ Абхазіи православія, но и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно встрѣтить подобнаго рода браки.

Если священникъ обращался къ супругамъ, жившимъ вмѣстѣ болѣе 10 лѣтъ счастливо и мирно, и предлагалъ имъ скрѣпить ихъ союзъ христіанскимъ таинствомъ бракосочетанія, то, обыкновенно, они отвѣчали ему:

— Отецъ, жили же мы 20 лѣтъ хорошо,—чего намъ вѣнчаться? Церковный бракъ насъ только свяжетъ такъ крѣпко, что мы болѣе не въ силахъ будемъ разойтись, если пожелаемъ, а теперь, слава Богу, каждый изъ насъ можетъ уйти на всѣ четыре стороны.

И дѣйствительно, мужа и жену ничто не связываетъ, и если они не сойдутся другъ съ другомъ почему-либо, то свободно расходятся. Подобный разводъ не возмущаетъ ничего чувства и мужъ находитъ себѣ новую жену, а жена мужа.

Въ ночь пріѣзда невесты женихъ обязанъ выѣхать куда-нибудь и провести первый день въ кругу своихъ друзей и знакомыхъ. Во вторую ночь вводитъ его въ комнату невесты

тотъ, кто принималъ участіе въ посредничествѣ между ними и невѣстой. До этого времени 'около' невѣсты сидитъ подруга ея, дочь ея кормилицы; на обязанности которой лежитъ занимать невѣсту или снимать съ ея лица вуаль въ то время, когда родные и знакомые приходятъ посмотреть на нее, чтобы узнать степень ея красоты. При этомъ каждый обязанъ подарить невѣсту деньгами. Раньше всѣхъ; конечно, приходятъ родители жениха и дѣлаютъ соответствующій ихъ положенію подарокъ. При входѣ каждаго посѣтителя невѣста должна встать и, опуская глаза внизъ, на всякое пріѣзженіе отвѣчать нѣмыми знаками. Въ случаѣ какого-либо замысловатаго вопроса отвѣчаетъ ея подруга. Кормилицу тоже одаряютъ; во время перваго ужина она получаетъ отъ жениха или отъ его родителей подарокъ деньгами въ 50, 100 или 200 рублей; смотря по состоянію, за то, что сумѣла дать прекрасное воспитаніе своей воспитанницѣ.

Объ окончаніи всѣхъ свадебныхъ церемоній и угощеній, молодая княгиня Есмаханумъ, сдѣлавшись членомъ новой семьи, начинаетъ принимать участіе во всѣхъ работахъ, производимыхъ въ домѣ родителей ея мужа. Но чтобы никто изъ постороннихъ не видѣлъ ея во время ея работы, она дѣлаетъ все распоряженія съ вечера, распредѣляетъ всѣмъ и каждому работу, старается, чтобы гости были приняты хорошо и во всемъ соображается съ приказаніями и желаніями тещи и жены старшаго брата, если только она есть въ домѣ.

Въ присутствіи родителей своего мужа молодая княгиня Есмаханумъ никогда не садится, говоритъ мало или совсѣмъ не говоритъ, гостямъ показывается рѣдко, развѣ только за отсутствіемъ въ домѣ старшихъ принимаетъ гостей, но все-таки при нихъ не садится и избѣгаетъ входить съ ними въ какія-либо разсужденія.

Есмаханумъ должна раньше всѣхъ подняться съ по-

стали, осматривать, как ле въ коридорѣ, и потомъ перейти къ собственному туалету. Она никогда не позволитъ себѣ, чтобы мужъ засталъ ее не одѣтой, и гдѣ же мужу застать ее въ такомъ видѣ, когда она ложится позже всѣхъ и встаетъ раньше всѣхъ? Ухаживаетъ молодая княгиня за мужемъ и во всемъ желаетъ предупредить его желанія, послушна, скромна, любезна, внимательна, но къ грубостямъ и дерзости его относится строго. Если эти грубости выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, она оставляетъ мужа, беретъ свои вещи, беретъ преданныхъ себѣ людей и переселяется къ роднымъ или къ кормилицѣ и оттуда требуетъ обезпеченія и развода. За нее заступаются всѣ ея родные, знакомые, воспитатели, и въ случаѣ неудовлетворенія со стороны мужа, ея партія открываетъ рѣзню, поджоги, грабежи и вообще исполняетъ всѣ правила, предписанныя родовой местию.

Въ такихъ случаяхъ женщина смѣло идетъ и въ народный судъ; сама защищаетъ себя и часто поражаетъ противника. Она не боится даже клеветы и обвиненія въ интимности съ вѣмъ-либо. Она сумѣетъ опровергнуть всѣ обвинения и отстоитъ себя во чтобы то ни стало. Родные и знакомые являются въ такомъ случаѣ только въ качествѣ свидѣтелей. Судъ съ своей стороны съ большимъ вниманіемъ относится къ жалобѣ женщины и строго выясняетъ съ мужа, если онъ дѣйствительно виновенъ. Стоитъ посмотреть на такую женщину во время разбора брачнаго дѣла: гдѣ ея скромность, гдѣ ея почтеніе къ мужу? Она является величественною, въ глазахъ горитъ огонь мести, въ карманѣ спрятанъ ножъ или бритва, или же пистолеть, и Боже избави судей не выслушать ея жалобы до конца. Она требуетъ праваго суда, а не снисхожденія, и если судъ постановитъ вѣрное рѣшеніе, хотя бы даже и не совсѣмъ въ пользу пострадавшей, то передъ правдой она скромно склоняетъ голову.

Княгиня въсмахануъ скоро прѣоръва доверіе и люоовь окружающихъ и даже цѣлаго аула. Всякій ищетъ у нея защиты и покровительства; всякому она готова помочь, отдарить, а на случай надобности ходатайствовать передъ мужемъ и передъ родителями мужа о снисхожденіи или помощи просителямъ.

Кормилица и ея дѣти часто посѣщаютъ молодую княгиню. При посѣщеніи равныхъ себѣ или ниже себя стоящихъ княгиня встаетъ, а посѣтельница подходитъ и дѣлаетъ правой рукой надъ головой княгини кругообразное движеніе, какъ знакъ выраженія готовности умереть за княгиню, а потомъ уже цѣлуетъ ее въ плечо или въ грудь, но не въ лицо. Мужчины же при посѣщеніи не цѣлуютъ женщинъ, а если приходится имъ привѣтствовать выше себя стоящихъ, но близкихъ къ нимъ людей, какъ, напр., воспитателей, то сначала здороваются, а потомъ цѣлуютъ ихъ въ грудь.

Въ теченіе года приносятся знаковыми разныя подарки молодой княгинѣ и князю, но больше всего они получаютъ подарковъ въ день Рождества и Пасхи. Къ этимъ праздникамъ, какъ и ко многимъ другимъ, Абхазцы относятся съ уваженіемъ и на Рождество несутъ своимъ воспитанникамъ или воспитанницамъ самыхъ лучшихъ откормленныхъ кашуновъ, а на Пасху—молодыхъ барановъ, возлять и крашенныя яйца. Съ своей стороны, князь и княгиня отдариваютъ щедро приносителей. Не смотря на то, что обычаи дарить другъ друга такъ сильно распространены между Абхазцами, они съ особенною ненавистью и презрѣніемъ смотрятъ на нищихъ. И дѣйствительно, въ Абхазіи, собственно говоря, нѣтъ нищихъ по профессіи. Если въ какомъ-либо семействѣ встрѣчается обиженный судьбой человекъ, то, чтобы и онъ могъ быть полезенъ, его обучаютъ какому-нибудь ремеслу и такъ его заставляютъ зарабатывать себѣ нусовъ

хлѣба. Аб

быть въ матеріальной зависимости отъ кого бы то ни было и не согласится ни за что идти на поденную работу.

— Развѣ я нищій, чтобы идти наниматься? отвѣтитъ Абхазецъ, когда ему предложить зарабатывать хлѣбъ поденной работой.

Не будь вліянія со стороны Турокъ и въ особенности въ послѣднее время со стороны Мингральцевъ, безпощадно эксплуатирующихъ Абхазцевъ, послѣдніе никогда не принимались бы за торговлю. Впрочемъ, Абхазцевъ-торговцевъ можно встрѣтить больше въ привилегированномъ сословіи, чѣмъ въ крестьянскомъ. Абхазецъ долго не могъ примириться съ мыслью продавать что-либо и получать за продукты деньги.

— Бары теперь все; будетъ время и я буду нуждаться, тогда и ты помоги мнѣ! Такъ говорили Абхазцы въ прежнее время. Но мало по малу, уступая примѣрамъ пришельцевъ, Абхазцы принялись за сбытъ произведеній своей земли. Прежде сборъ съ орѣховыхъ, фруктовыхъ деревьевъ считался у нихъ позоромъ. Они даже не хотѣли прикасаться къ фореги, семгѣ, осетринѣ, наполняющимъ рѣки Абхазіи. Но въ одномъ они стоятъ и теперь упорно на своемъ—въ ненависти къ пьянству и не перенимаютъ его отъ другихъ націй.

Но вотъ въ семьѣ молодой княгини Есмаханумъ случилось большое горе. Подчиняясь закону природы, старая теща ея княгиня Чичъ отправилась къ праотцамъ. Вѣсть эта какъ громомъ поражаетъ всѣхъ ея домашнихъ. Мужчины наносятъ себѣ удары по лицу, въ грудь и ходятъ какъ потерянные, съ открытой головою и проливая горькія слезы. Женщины рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ до крови лицо и грудь и въ припадкахъ сильнаго горя головою ударяются объ стѣну.

Друзья, родные и знакомые, чтобы отдать честь умершей княгинѣ, со всѣхъ сторонъ приѣзжаютъ къ мужу покой-

ницы князю *Александрову*, и другъ *Александровъ* *Александровичъ* ный, но все-таки каждый привозить ему съ собой какой-нибудь подарокъ. Одинъ несетъ деньги, другой вино, третій часы, четвертый ведетъ лошадь, корову и т. д. Всѣхъ приѣзжихъ надо угостить, надо дать имъ ночлегъ. И не будь этихъ подарковъ, не было бы и возможности даже зажиточному хозяину сдѣлать приличное угощеніе всѣмъ имъ, не разорившись окончательно. Общій, такъ сказать, плебейскій столъ устраивается подъ навѣсомъ, а женщины и аристократія располагаются въ домѣ. Хотя смерть стараго человѣка не такъ сильно оплакивается Абхазцами, какъ кончина человѣка уваждаго преждевременно, тѣмъ не менѣе оплакиваніе старой нягини продолжается 5 и даже 10 дней.

При приближеніи въ дому умершей родственники и знакомые даютъ знать о своемъ прибытіи неистовыми криками и ударами по лицу. Изъ дома покойницы отвѣчаютъ имъ тѣмъ же, но отвѣты даются по очереди тѣми женщинами, которыя стоятъ по обѣ стороны гроба и образуютъ двѣ шеренги. По мѣрѣ приближенія крикъ все усиливается и переходитъ, наконецъ, въ какой-то неистовый, раздирающій душу вопль. Обнимаютъ гробъ и покойницу, цѣлуютъ ее, ударяются лбомъ объ этотъ гробъ и почти $\frac{1}{4}$ часа градомъ льются слезы. Затѣмъ наступаетъ небольшой антрактъ; тогда выступаетъ изъ первой шеренги одна изъ ближайшихъ родственницъ покойницы и причитываетъ надъ покойницей, ей отвѣчаетъ изъ второй шеренги другая родственница; остальные сидятъ, понуривъ голову, и плачутъ тихо или бросаютъ кругомъ безумные взоры. Но вотъ слышится издали какой-то страшный ревъ: это идутъ мужчины. Имъ отвѣчаютъ изъ дома тѣмъ же ревомъ. Около дома стоятъ нѣсколько человѣкъ, на обязанности которыхъ лежитъ вводить оплакивающихъ мужчинъ

Взрослые и дѣти, мужчины и женщины—всѣ одѣты въ трауръ.

Но воля приодоливается еще новыми процессами: лица здѣсь всѣ обезображены, голоса не издають почти никакихъ звуковъ: такъ охрипли отъ плача; всѣ бьютъ себя камнями въ лицо и грудь и если бы ихъ не удерживали, то едва ли они остались въ живыхъ. Это подходитъ старуха, кормилица умершей княгини, и ея родственники. Траурное одѣяніе ихъ сшито изъ грубаго холста совершенно желтаго цвѣта. Кормилица и ея родственники обязаны носить такой трауръ въ теченіе одного года или 2-хъ лѣтъ и потомъ только замѣнить его чернымъ трауромъ. Мужчины въ знакъ траура обязаны отпустить волосы на нѣсколько лѣтъ; женщины, въ знакъ наложенія на себя печати униженія и нежеланія болѣе принимать участія въ общественныхъ развлеченіяхъ, отрѣзываютъ роскошныя свои косы и кладутъ ихъ въ гробъ покойника или покойницы.

Въ день выноса покойницы слезы, рыданія и истязанія доходятъ до высшей степени: всѣ хватають гробъ и не даютъ вынести его изъ дома. Наконецъ, наступаетъ моментъ выноса. Впереди идутъ мужчины, а за ними женщины съ распущенными волосами. По выносѣ гроба, домъ, въ которомъ находилась покойница, немедленно опоясываютъ шелковымъ шпуркомъ, чтобы изъ оставшихся въ живыхъ людей кто-нибудь не послѣдовалъ за покойницей на тотъ свѣтъ.

Кончились похороны. Послѣ обильнаго угощенія разъѣхались гости, но ближайшія родственницы, а въ особенности кормилица и ея дочери еженедѣльно посѣщаютъ мѣсто, гдѣ похоронена княгиня и оплакивають ее. При этомъ не забываютъ и своихъ старыхъ покойниковъ, удѣляя и имъ также часть своихъ слезъ. А бѣдный мужъ не смѣетъ гласно плакать о своей женѣ. Князь Кизлибекъ и во время прилива сильнаго горя прячется подальше отъ людскихъ глазъ, чтобы дать волю своимъ слезамъ.

Воспоминаніе объ умершей княгинѣ въ домѣ выражает-

ся тѣмъ, что во время обѣда и ужина всегда ставятъ на столѣ ея приборъ и принадлежавшую ей порцію, кромѣ того, наполняютъ стаканъ виномъ, а потомъ отливаютъ его, поминая душу покойницы.

На сороковой день дѣлаютъ поминки, а черезъ годъ или 10 мѣсяцевъ, совершаютъ гризну. Во время гризны къ домѣ умершей или умершаго раскладываютъ вещи, принадлежавшія имъ, и надъ ними совершаютъ опять оплакиваніе. Часть дня также посвящается свѣчкамъ и воспоминаніямъ о доблестяхъ усопшаго героя или героини.

Послѣ смерти старой княгини Чичъ, ея мѣсто заступаетъ молодая княгиня Есмаханумъ; но она не выходитъ изъ скромной своей роли и по прежнему внимательна и почительна въ старому князю Кизлибеку.

Но и Кизлибекъ скоро слѣдуетъ за своей супругой въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій; остаются одни наши герои: Тамшугъ и Есмаханумъ. Жизнь ихъ течетъ по прежнему ровно и покойно.

Тамшугъ вообще мало бываетъ дома. Зимой онъ ходитъ на охоту, убиваетъ дичку козь, оленей, куницъ, разбѣзжаетъ по Мингрелин, Гурин и Имеретин по своимъ или по чужимъ дѣламъ, а часто и безъ всякой цѣли. Кромѣ того, князь принимаетъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, а также таскается по судамъ въ качествѣ свидѣтеля или истца.

Жена принимаетъ гостей, сама ѣздитъ въ гости со своей свитой, распоряжается по хозяйству, обшиваетъ мужа, который, въ случаѣ надобности, не прочь напаять на свои богатырскія плечи кофту или бурнусъ жены и въ такомъ видѣ явиться въ судъ. Княгиня наблюдаетъ, какъ ухаживаютъ за шелковичными червями, сама собираетъ коконы и сама приготовляетъ шелкъ.

Съ своими служанками Есмаханумъ обращается ласково и тѣ, не смотря на свое происхожденіе изъ крестьянскаго сословія, свободно говорятъ съ барыней, совѣтуются съ ней и не такъ подавлены, какъ въ Грузіи и Мингреліи. Онѣ могутъ здѣсь даже выходить замужъ, но только мужья ихъ обязаны въ извѣстное время отбывать повинность.

У молодой княгини родилось нѣсколько сыновей, они всѣ магометанскаго или, лучше сказать, языческаго вѣроисповѣданія; но чтобы заручиться расположеніемъ какаго-нибудь высочайшаго лица на случай какакой-нибудь надобности, княгиня самого младшаго сына отправляетъ въ мингрельскому или имеретинскому епископу для принятія православія и для обученія грузинской грамотѣ.

Но княгиня не прочь, въ случаѣ отсутствія мужа, защищать его дѣло и на сельскомъ судѣ. Когда ей сообщать, что дѣло ея мужа принимаетъ дурной оборотъ на судѣ, а супруга ея нѣтъ дома, она немедленно привазываетъ осѣдлатъ лошадей и въ сопровожденіи нѣсколькихъ челоувѣвъ является къ тому мѣсту, гдѣ происходитъ разборъ дѣла. Подъ широкими чинарами собрано почти все селеніе. Судьи сидятъ и надъ чѣмъ-то глубокомысленно задумались. Истцы и отвѣтчики стоятъ, опираясь на палки и часто отплевываясь въ сторону, какъ будто слюни мѣшаютъ имъ говорить. Свидѣтели также стоятъ, но только слушаютъ и, при каждомъ обращеніи къ нимъ со стороны истцевъ или отвѣтчиковъ, даютъ лаконическіе отвѣты: да или нѣтъ.

Выслушавъ всѣ обстоятельства, судьи совѣщаются между собою довольно продолжительно, а потомъ одинъ изъ нихъ объявляетъ рѣшеніе.

При видѣ княгини Есмаханумъ народъ и судьи поднимаются съ своихъ мѣстъ и, поздоровавшись съ нею, просятъ ее занять приличное мѣсто.

Послѣ обычныхъ разспросовъ о разныхъ новостяхъ, княгиня переходитъ къ дѣлу и проситъ вниманія народа и судей.

Сначала въ самыхъ вѣжливыхъ и утонченныхъ выраженіяхъ она выставляетъ достоинства судей и ихъ безпристрастіе, потомъ жалѣетъ, что мужу ея по разнымъ обстоятельствамъ не приходится говорить самому о своихъ дѣлахъ и, наконецъ, проситъ позволенія сказать слово въ пользу его. Водворяется общее молчаніе. Выпрямившись во весь ростъ свой, княгиня старается наметризовать публику и судей и осторожно рассыпаетъ похвалы направо и налево. Когда она замѣчаетъ въ народѣ сочувствіе къ себѣ, и судьи не смотрятъ въ землю, что было бы дурнымъ для нея предзнаменованіемъ, то княгиня незамѣтно переходитъ къ своему дѣлу, давая возможность говорить и противной сторонѣ. Она представляетъ разныя доказательства, доводы и ссылается на свидѣтелей. Она знаетъ, какъ говорить, не забываетъ ни одной мельчайшей подробности въ защиту своего интереса и то и дѣло обращается съ вопросомъ къ свидѣтелямъ своимъ и народу:

— Такъ ли я говорю, друзья?

— Такъ, такъ! отвѣчаетъ толпа, отвѣчаютъ свидѣтели.

— Правду ли я говорю, дорогіе?

— Правду, правду говорите! отвѣчаетъ съ новой силой толпа.

Судьи недолго совѣщаются и подъ влияніемъ рѣчей княгини выносятъ рѣшеніе или приговоръ въ ея пользу.

Таковы нѣкоторыя черты жизни Абхазцевъ. Въ настоящее время Абхазцы уже нѣсколько ушли впередъ отъ своей прежней, какъ-бы первобытной жизни. Хотя обычаи и нравы у нихъ мало измѣнились, но понятія ихъ стали просвѣтляться.

Они стали понимать пользу образованія и теперь сами ста-
ли письменно и словесно просить начальство о принятіи
своихъ дѣтей въ разныя учебныя заведенія.

Просьбы заявляются не только родителями, но и ихъ
малолѣтними дѣтьми, которыя иногда идутъ пѣшкомъ изъ
дальнихъ своихъ селеній и со слезами просятъ объ опредѣ-
неніи ихъ въ школу.

Смотритель Сухумской горской школы *К. Мачавариани*.

Г. Сухумъ.

1882 г.